Тэтик Кевсер

ГОРОДСКАЯ ТОПИКА В ПОЭТИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

В статье изучается городская топика на материале творчества К. Д. Бальмонта. Проблема городского текста включает в себя такие понятия как городской локус, городская топика. В последнее время исследователей привлекает "урбанистическая" поэзия Бальмонта, однако эта проблема рассматривается главным образом в историко-литературном ключе. В данной статье предпринимается попытка теоретического освещения вопроса, вводится понятие "городской топики", позволяющее иначе посмотреть на поэтику Бальмонта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 86-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Гусева Е. В.** «Игры» со временем. Прием ретроспекции в раскрытии темы детства у Захара Прилепина // Сапоговские штудии 2013. Современное гуманитарное знание в России: сборник научных статей. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. С. 99-106.
2. **Гусева Е. В.** Портретные характеристики детей в романе З. Прилепина «Черная обезьяна» // Пушкинские чтения 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2013. С. 275-283.
3. **Латынина А.** «ДАЖЕ УЖ НЕ ЗНАЛИ, ЗА ЧТО ПОХВАЛИТЬ…»: к рассуждениям по поводу романа Захара Прилепина «Черная обезьяна» // Новый мир. 2011. № 10. С. 158-165.
4. **Писатель Захар Прилепин: «Нация, разучившаяся читать, превращается в толпу»** [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. № 43. URL: http://www.aif.ru/society/education/1006975 (дата обращения: 01.03.2015).
5. **Прилепин З.** Патологии. М.: Ad Marginem, 2009. 360 с.
6. **Прилепин З.** Черная обезьяна. М.: АСТ, 2011. 342 с.

MYTHOPOETICS OF Z. PRILEPIN'S WORKS
(BY THE EXAMPLE OF THE NOVELS "BLACK APE" AND "THE PATHOLOGIES")

Kalinichenko Larisa Anatol'evna
Tyumen State University (Branch) in Ishim
rfkbybxtyrj62@yandex.ru

In the article devoted to the mythopoetics of Z. Prilepin's works the artistic peculiarities of his novels "Black Ape" and "The Pathologies" in terms of the use of mythological plots and images in them are considered. The philosophical component of the author's reflections on the nature and essence of human cruelty, on the reasons of the society degradation at the spiritual level and on the factors that allow not only the existence of negative phenomena, but also their development with incredible speed is analyzed.

Key words and phrases: mythopoetics; myth; mythological plot; mythological image; mythological motive.

УДК 82:801.6
Филологические науки

В статье изучается городская топика на материале творчества К. Д. Бальмонта. Проблема городского текста включает в себя такие понятия как городской локус, городская топика. В последнее время исследователей привлекает «урбанистическая» поэзия Бальмонта, однако эта проблема рассматривается главным образом в историко-литературном ключе. В данной статье предпринимается попытка теоретического освещения вопроса, вводится понятие «городской топики», позволяющее иначе посмотреть на поэтику Бальмонта.

Ключевые слова и фразы: литература; поэтика; К. Д. Бальмонт; топика; город; миф.

Тэтик Кевсер
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kevserr_86@hotmail.com

ГОРОДСКАЯ ТОПИКА В ПОЭТИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА©

Одной из предпосылок возникновения городского топоса, помимо индустриализации и урбанизации, стало усиление критического отношения к городу, это отношение носило диалектический характер. С одной стороны, шаги цивилизации (которые, например, описывал В. Хлебников в статьях «О пользе изучения сказок», «Мы и дома» [14]) существенны для развития общества, с другой стороны, «железные руки шоссе» (С. А. Есенин) губят *мир таинственный и древний*. Итак, проблема соотношения двух типов локусов (городского и, условно, деревенского, здесь читай как архаического, бытийного) всегда интересовала художников слова, начиная с А. Н. Радищева, его «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и заканчивая «Прощанием с Матерой» В. Распутина. Это серьезная не только историко-литературная проблема, но и теоретическая проблема. Во-первых, само понятие «городской текст» до сих пор в гуманитарной науке является дискуссионным и вовлекает в теоретический дискурс понятия «городской локус», «городской топос» и «городская топика». Некоторые исследователи включают локус в парадигму топоса [9, с. 32], считая первое более узким по отношению ко второму, видя за локусом конкретное место в пространстве. Однако существует и другая точка зрения на этот счет, которая, как нам кажется, ближе художественной практике эпохи модернизма. Эта точка зрения связана с понятием топики. Категорию топики разрабатывал в своих статьях А. М. Панченко, включая ее в национальное *аксиологическое пространство* [12, с. 237-246]. Таким образом, топика (городская в том числе) приобретала онтологический смысл, воспринималась как взаимодействие художественной и космической действительности.

Во-первых, в этой связи, нужно сказать, что город в *культурологическом дискурсе* мыслится как нечто *сакральное*. Об этом еще подробно писал М. Элиаде [16, с. 43-44]. Таким образом, городской топос и, думается,

© Тэтик Кевсер, 2015

любой другой топос носит характер мифологического, архетипического. В-третьих, здесь возникает другая проблема – проблема мифотворчества поэтов-символистов. Вопрос о взаимоотношении литературы и мифа сам по себе сложен и требует отдельных разъяснений, но, так или иначе, мы в своей статье будем к нему обращаться, поскольку во многих стихотворениях К. Д. Бальмонта городской топос приобретает черты мифологического, топос преобразуется в топику (далее в статье под понятием топос мы подразумеваем *топику*).

Целью нашей статьи является выявление разных черт городского пространства (архетепическое и профанное, бытовое) в поэтике К. Д. Бальмонта. Для этого мы проанализируем три стихотворения разных лет: «Мне ненавистен гул гигантских городов», «Толедо» и «Приближаясь к Александрии».

В художественном мире К. Бальмонта, можно сказать, выразились две тенденции: город представлен как нечто страшное, даже чудовищное («Мне ненавистен гул гигантских городов») и как нечто мистическое, мифологизированное («Толедо»). Подтверждением этому может служить последующий разбор стихотворений.

В русской литературе, в Серебряном веке, многие поэты писали стихотворения на урбанистическую тему (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, В. Маяковский и др.). В отличие от других поэтов К. Бальмонт, обращаясь в поэзии к разным городам мира, описывал их *импрессионистическим способом*; в его поэзии города мира предстают перед читателем чаще всего неким загадочным микрокосмом. Он запечатлевает город через личное душевное состояние художника – совершенно самобытным и неповторимым выражением.

Бальмонт провел большую часть своей жизни в странствиях, он побывал почти на всех континентах земного шара. Особый интерес для Бальмонта представляли экзотические уголки мира, а в Европе – Англия, Испания, Италия, скандинавские страны. Однако дело здесь не только в «биографическом моменте», но и в художественном восприятии мира. Так, в статье «Поэзия как волшебство» описывается мировой гул поэзии, Логоса, который вобрал в себя и звуки Океании, и древние звуки перуанского диалекта, и еще многое другое из всех языков [6, с. 15]. В этом вопросе очень точен Л. Н. Таганов, отметивший, что «мир предстает перед поэтом в бесконечном разнообразии явлений, в изобилии звуков и красок, которые должны были найти свое полное воплощение в Слове» [13, с. 4]. Таким образом, поэт устанавливает связь между народами, утверждает Мировой Логос, что существенно для нашей темы, так как указывает на поэтическую чуткость, восприимчивость символиста к другим культурам, странам, городам.

Возвращаясь к собственно поэтическим опытам Бальмонта, обратим внимание на сборник «Горящие здания» (1899), который является одним из важнейших в творчестве поэта, так как он богат стихотворениями на урбанистическую тему. Стихотворение Бальмонта «Мне ненавистен гул гигантских городов...» (1894) представляет собой одно из самых ярких урбанистических стихотворений, в котором, правду сказать, урбанизм подан со знаком минус. В нем Бальмонт запечатлевает свое неприятие городской суеты: «Мне ненавистен гул гигантских городов, / Противно мне толпы движение». Город ужасен, метафизически ужасен. Человек в таком городе лишен космической связи со Вселенной, здесь город скорее как топос, как *профанное пространство*. Поэт откровенно признается, что ему более близка природа, его «дух живет среди лесов», «среди цветов». Лирический герой бежит шума города и влечется *голосом вечным*, неизведанным: «Где в тишине уединенья / Внемлю я музыке незримых голосов» [3, с. 12]. Однако в другом стихотворении отношение лирического героя меняется с негативного на позитивное. В отличие от стихотворения «Мне ненавистен гул гигантских городов...», в стихотворении «Толедо» присутствует лирический пафос с самого начала и до конца, восторг перед *древним городом*. В четвертой строфе чувствуется высокая патетика, поэт восхваляет, возвеличивает этот город: «Город, зримый в высоте, / Между скал, / Безупречный в завершенной красоте, / Ты явил свой гордый лик – и задремал» [4, с. 41]. Здесь представлено восторженное утверждение поэтом героического прошлого города. Это очень важная позиция поэта, который воспринимает современную жизнь через призму прошлого, архаического – тем самым дана некая ретроспекция, напоминающая о сопричастности человека священному ходу истории. В этом случае можно поставить вопрос об историософской проблематике.

Бальмонт вглядывается в прошлое и людей, и природы. В стихотворении «Толедо» ощущается обращение к ушедшим в историю драмам, трагедиям и войнам. Лирический герой созерцает город через образы сражений, страданий и подвигов героев, которые даны лишь намёком. Таким образом, город предстает в героической и онтологической окрасках. Как в большинстве своих «урбанистических стихотворений», Бальмонт обращается к *тайнам древности*. История является неотделимой частью города, а город – истории. Таким образом устанавливается неразрывная связь со Вселенной, образовывается космогония города. Город в «Толедо» предстает перед лирическим героем неким *загадочным видением*. В последнем четверостишии лирический герой обращается к безвозвратной странице прошлого, старины, которая воплощена в архитектуре, притягивающей внимание своей величественностью и мощью: «Но поют в тебе отшедшие года – / Ты – иссе́ченный на камне мощный стих» [Там же].

В сборнике «Горящие здания» в стихотворении «Слово завета» (1899) он утверждает новый «завет»:

«О, человек, спроси зверей,
Спроси безжизненные тучи!
К пустыням вод беги скорей,
Чтоб слышать, как они певучи!
Беги в огромные леса,
Взгляни на сонные растенья,
В чьей нежной чашечке оса
Впивает влагу наслажденья!
Им ведом их закон, им чуждо заблужденье» [3, с. 14].

По мнению П. Куприяновского и Н. Молчановой, в этом стихотворении образ «здания» включает в себя более емкий символический смысл: «горящие здания» – «остов» прежнего миросозерцания Бальмонта, на котором он пытается утвердить новые эстетические и этические ценности. «И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий» – так заканчивается стихотворение «Слово завета» [11, с. 83-84].

Надо отметить, что единственным примером в поэзии Бальмонта, представляющим некий гимн капиталистическому городу, является стихотворение «Я мчусь по воздушной железной дороге...» (1906), посвященное Нью-Йорку. Бальмонт, который воспринимал Америку как воплощение духа материи, все-таки восхищается индустриальной мощью этой страны: «радостен сердцу железный обман». Поэт подчеркивает и даже оправдывает человеческое «стремление», уводящее людей «все выше и выше».

Однако самым отвечающим мировоззрению Бальмонта, его культурной поэтической восприимчивости, на наш взгляд, является стихотворение «Толедо». Отметим, что город носит в нём *сакральный характер*. Город описывается как священный памятник старины: «Город-крепость на горе / Город-храм, / Где молились торжествующим богам, –» [4, с. 41]. Топика в данном случае *эволюционирует*, она приобретает амбивалентный характер. В первых двух строфах изображается заснувший город: «В час, когда поет свирель, / И зовет, – / В час, когда, как будто ласковый апрель / Дышит в зеркале дремотствующих вод», а в других же строфах – живой город: «В дни, когда ты был одним / Из живых, / И разбрасывал кругом огонь и дым, / Вместе с криками призывов боевых» [Там же]. Но все-таки главенствуют в этом стихотворении символы неподвижности, спокойствия («в зеркале *дремотствующих* вод», *«задремал»*). Зеркало – это образ *таинственной и тайной жизни*, который отражает *незримую суть* жизни города. Храм, молчание, дремота, – всё это символы *каких-то* священных начал.

Стоит отметить, что в художественном мире Бальмонта города как бы поделены на города-машины, ненавистные, мрачные и страшные своей повседневностью («Мне ненавистен гул гигантских городов») и города-лики, приобщающие героя к вечному, к тайнам Вселенной («Толедо»). Так, в стихотворении «Приближаясь к Александрии» (1911) Бальмонт опять обращается к истории и древности города. Здесь господствуют природа, «море», дан богатый природный колорит: «багряные сказки в столетьях», «желтизна побережья» [1, с. 131], солнце в *космическом ореоле* – вырабатывается натурфилософский язык. Таким образом, в стихотворении «Приближаясь к Александрии» развиты *космические мотивы*, характерные для лирики старших поэтов-символистов.

Человеческая история в этом стихотворении дана в самых общих, достаточно абстрактных категориях. Во втором четверостишии взор лирического героя опять обращается к природе, к птицам, он видит «длиннокрылых птиц», и, наконец, Нил, за которым возникает мифологический образ бога Озириса. Подобный колорит очень характерен для поэтики Бальмонта.

До сих пор мы рассматривали в «урбанистической поэзии» Бальмонта города иностранные или города как абстрактные категории, однако особый интерес представляет *московская топика* в художественном мире поэта. Например, в стихотворении «Благовещение в Москве» (1903) образ Москвы связывается с религиозным праздником «*Благовещения»*: «Вербы забелели». Всё подаётся через образ природы: весна, цветы, само настроение лирического героя. Городской колорит представлен следующим образом: в первом четверостишии присутствуют символы пасхи – «вербы забелели», во втором мы видим почки, которые стали «красненькими», «закраснели», то есть появляется уже яркий цветовой фон – красный и синенький. Отсюда можно сделать вывод о связи с миром, натурфилософским языком и открытости лирического героя этому миру. Мир преображается, весна оживляет его, и мир становится новым, свежим; образ природы конкретизируется. Здесь проявляется такое состояние лирического героя: «**Я** смеюсь и **я** живу». «Я» характеризуется через смех. В стихотворении раскрывается образ смеха, радости. Жизнь пробуждается, оттого что празднуется Благовещение, праздник мыслится как обновление Вселенной, как некий *демиургический акт*.

Можно сказать, что природа имеет как бы «портретную» характеристику. Возникает образ оживлённого, невероятного яркого взора: «*Солнце в каждом взоре*» [5, с. 38]. В этих строках проявила себя космическая связь, *завязь* между человеком и Вселенной. Ощущение солнца наполняет собой лирического героя, он открыт этому бытию. Праздник в этой связи – сакральное время, которое необходимо для свершения, обновления себя самого и мира:

Сколько синеньких цветков,
Отнятых у снега.
Снова мир и свеж и нов,
И повсюду – нега [Там же].

Наконец, ещё одним указателем на особый хронос и топос является связь между старой и новой Москвой:

Вижу старую Москву
В молодом уборе.
Я смеюсь, и я живу –
Солнце в каждом взоре.
От старинного Кремля
Звон плывет волною [Там же, с. 39].

Поэт обращается к историческому прошлому – так происходит приобщение к культуре, её *особому коду*. Если здесь сделать отступление, то можно было бы вспомнить культуро-философские воззрения А. Белого,

писавшего в «Эмблематике смысла» (1909) о сопричастности человека другим эпохам [8, с. 57-58]. Здесь также можно поставить вопрос об энтелехии культуры, о «поглощенности» творчества, Слова другими эпохами, о приобщенности художника слова к энергии культуры [10]. Конечно, это было актуально и для К. Д. Бальмонта. Автор как бы извлекает из памяти старую Москву:

Вижу старую Москву
В молодом уборе [5, с. 39].

И этот образ соотносится с религиозным мистическим настроением:

От старинного Кремля
Звон плывет волною.
А во рвах живет земля
Молодой травою [Там же].

Данное настроение выразилось и в образе «пробившейся травы»:

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещенье в Москве,
Это праздник света [Там же]!

В молодой траве заключен «сон весны и лета» – образ дан не прямо, а через снотворчество, *имагинативную реальность*. Для поэта Благовещенье – не просто религиозный праздник, это особый день света, то есть пробуждение лучшего, Абсолютного в человеке.

По-своему выразилась эти мотивы и в стихотворении «В домах»:

Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде [7, с. 237].

Люди забыли о своей связи с Вселенной, а Бальмонт напоминал, что стих – это «сын Солнца и Океана» («Поэзия как волшебство»). В творчестве для него восстанавливалась эта *космическая связь* человека и природы.

Подводя итог всему сказанному, отметим диалектический характер отношения К. Д. Бальмонта к городскому топосу. Поэт может негодовать относительно «наступления города» на человека, ему может быть ненавистно «толпы движенье», так как его дух «живёт среди лесов», но в то же время его влечет город древний, который может представляться ему как «иссе́ченный на камне мощный стих» [4, с. 41]. Город-«стих», нечто метафизическое, что приравнивается «стиху», то есть Логосу. В последнем видится устремленность к бесконечному, проявленному в древнем городе Толедо, в его исторической и космогоноэстетической завершенности. Таким образом, проблема городского топоса сопряжена с проблемой топики, так как оптика лирического героя изменяется с бытовой, «профанной» ***на вертикальную***. Рассматривая вслед за Бальмонтом город как отражение Лика Вселенной, можем говорить об *Axis Mundi*, о приобщенности героя к сакральному – в этом видится не бытовое, а ***онтологическое*** понимание проблемы «урбанистической поэзии».

Список литературы

1. **Бальмонт К. Д.** Зарево Зорь. М.: ГРИФЪ, 1909. 166 с.
2. **Бальмонт К. Д.** Полное собрание стихов. Изд. 3-е. М.: Скорпион, 1909. Т. 1. Под северным небом. В безбрежности. Тишина. 267 с.
3. **Бальмонт К. Д.** Полное собрание стихов. Изд. 3-е. М.: Скорпион, 1908. Т. 2. Горящие здания. 170 с.
4. **Бальмонт К. Д.** Полное собрание стихов. Изд. 3-е. М.: Скорпион, 1908. Т. 3. Будем как солнце. 234 с.
5. **Бальмонт К. Д.** Полное собрание стихов. Изд. 3-е. М.: Скорпион, 1913. Т. 4. Только любовь. 144 с.
6. **Бальмонт К. Д.** Поэзия как волшебство // Бальмонт К. Д. Стозвучные песни. Сочинения. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. С. 5-35.
7. **Бальмонт К. Д.** Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель. Ленингр. Отд-ние, 1969. 710 с.
8. **Белый А.** Эмблематика смысла // Белый А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Культурная революция; Республика, 2010. Т. 5. Символизм. Книга статей. С. 57-119.
9. **Булгакова А. А.** Топика в литературном процессе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2008. 107 с.
10. **Галиева М. А.** Проблема энтелехии в культуре серебряного века // Филология и культура = Philology and Culture. 2015. № 1 (39). С. 136-139.
11. **Куприяновский П., Молчанова Н.** Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 347 с.
12. **Панченко А. М.** Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения: сб. ст. / под ред. М. Б. Храпченко и др.; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1986. С. 237-246.
13. **Таганов Л.** Родное и вселенское в творческом сознании Константина Бальмонта // Бальмонт К. Под Новым Серпом. Избр. стихотворения и проза. Иваново: Талка, 2007. С. 3-18.
14. **Хлебников В.** О пользе изучения сказок // Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 594-595.
15. **Чулян А. Г.** Города мира в рецепции В. Брюсова и К. Бальмонта // Брюсовские чтения на Кавминводах – 2008: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 22 декабря 2008 г.). Пятигорск, 2009. С. 82-90.
16. **Элиаде М.** Космогоническая модель построения города // Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / пер. англ. Е. В. Сорокиной. К.: София; М.: Гелиос, 2002. С. 43-44.

URBAN TOPIC IN POETICS OF K. D. BALMONT

Tetik Kevser
Lomonosov Moscow State University
kevserr_86@hotmail.com

The article studies the urban topic by the material of K. D. Balmont's creative work. The problem of an urban text includes such notions as urban locus, urban topic. Recently, "urban" poetry of Balmont has attracted researchers, but this problem is considered mainly in a historical and literary aspect. This article attempts to cover theoretically the issue, and introduces the notion "urban topic" that allows different view on the poetics of Balmont.

Key words and phrases: literature; poetics; K. D. Balmont; topic; city; myth.

УДК 81.366.58
Филологические науки

В статье рассматриваются прагматические возможности страдательного залога в тексте официального документа на материале подзаконных актов регионального законодательства. Расширен перечень форм страдательного залога в перформативном употреблении, характерных для официально-делового стиля. Выявляется, что пассивные конструкции с глаголом с суффиксом -ся оказываются более востребованы автором документа, поскольку тот стремится акцентировать действие, а не состояние. Рассматриваются особые формы выражения иллокутивной силы, закрепленные нормативно.

Ключевые слова и фразы: страдательный залог; перформатив; официальный документ; иллокутивный акт; региональное законодательство.

Киреева Елена Закировна, к. филол. н.
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
L89107032507@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОРОМ ДОКУМЕНТА ПРАГМАТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА©

Научные исследования проведены в рамках государственного задания Минобрнауки России проект № 1706.

Перформативное употребление глагола речи приравнивается к «однократному выполнению обозначаемого этим глаголом речевого действия» [19, с. 161]. Такое действие уникально, субъективно и аутореферентно [5]. Анализируя основные грамматические параметры перформативного глагола – 1-е лицо настоящего времени несовершенного вида активного залога индикатива, Дж. Остин уточняет, что они не могут служить абсолютными критериями перформативности [18, с. 58-59]. В официальных и юридических текстах используются перформативы, выраженные глаголами в страдательном залоге.

Целью статьи является рассмотрение вопросов: как проявляются прагматические свойства страдательного залога в тексте официального документа, как автор использует возможности страдательного залога для выражения своих интенций. В пассивных конструкциях акцент переносится на выражение действия (запрет, разрешение, рекомендация) при прозрачности опущенного субъекта – коллективного автора документа. Кто является коллективным автором регионального документа? На уровне субъекта Федерации документы принимаются коллегиальными органами законодательной и представительной властей в лице своего представителя; на уровне муниципального образования субъекта Федерации – представительными и исполнительными органами местного самоуправления также в лице своего представителя.

Методологической основой работы послужила классификация Ю. Д. Апресяна, который выделяет 15 групп русских перформативных глаголов, называя соответствующий иллокутивный акт [1, с. 200-217]. Объектом исследования являются перформативные высказывания, представляющие собой пассивные конструкции с формами глагола с постфиксом *-ся* в страдательном значении (*запрещается*) и с формами краткого страдательного причастия (*запрещено*). Материалом исследования послужили документы разной интенциональной направленности, формирующие массив регионального законодательства [4].

Последовательность анализа была следующей: 1) из каждой группы перформативных глаголов были выбраны те, которые образуют формы страдательного залога; 2) затем осуществлялся поиск перформативного контекста и рассматривались его особенности; 3) определялись виды документов, в которых употреблялись перформативные высказывания.

Пассивизация возможна у ограниченного количества глаголов. Круг их еще более сужается из-за специфики материала исследования.

© Киреева Е. З., 2015